

ми женщины и мужчины. Гендерный подход даёт возможность с разных сторон, объёмно увидеть и ощутить события тех лет. Почти забытые мемуары Екатерины Бакуниной по яркости впечатлений и обстоятельности не только не уступают «Севастопольским рассказам» Льва Толстого, но в чём-то и превосходят их.

Ключевые слова: батальная тема, патриотизм, детализация, генерализация, трагическое, панорамное зрение.

G.M. Samoylova
Kurgan state university, Kurgan

EVENTS OF THE CRIMEAN WAR IN THE GENDER ASPECT (BY THE EYES OF CATHERINE BAKUNINA AND LEV TOLSTOY)

Abstract. *In this article a view distinction of the Sevastopol's defense is considered by the eyes of man and women. The gender approach gives opportunity to see and perceive events of those years in a volumetric perception, from different sides. Catherine Bakunina's almost forgotten memoirs are appeared as equal to "Sevastopol's stories" by Lev Tolstoy in the brightness of impression and circumstantiality and exceed them in some other aspects.*

Key words: battle theme, patriotism, detailing, generalization, tragic, panoramic vision.

Крымская или Восточная война 1853-1856 годов велась Россией против коалиции государств, куда входили Британия, Франция, Австрия, Пруссия, Турция, Сардиния. Для Франции, разбитой Россией в войне 1812 года, это был своеобразный реванш. Боевые действия велись на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Чёрном, Азовском, Белом и Баренцевом морях, а также на Камчатке. Наибольшего напряжения они достигли в Крыму.

Оборона Севастополя длилась почти целый год с 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года. Дочь петербургского градоначальника Михаила Бакунина Екатерина, окончившая курсы сестёр милосердия, и начинающий писатель Лев Толстой, поехавший на войну вслед за братом Николаем, оказались вовлечены в водоворот событий. Каждый запечатлел в рассказах увиденное. Интересно, анализируя «Севастопольские рассказы» Толстого и «Воспоминания сестры милосердия» Бакуниной, сопоставить мужской и женский взгляд на происходящее, выявляя при этом яркую индивидуальную манеру рассматриваемых авторов.

Батальная тема традиционна в русской литературе. Древнерусские повести, поэзия XVIII века, повести и рассказы XIX века повествовали о бурных потрясениях. Особое место в батальной литературе принадлежит «Войне и миру» Толстого,

УДК 821.161.1.

Г.М. Самойлова
*Курганский государственный университет,
Курган*

СОБЫТИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ (ГЛАЗАМИ ЕКАТЕРИНЫ БАКУНИНОЙ И ЛЬВА ТОЛСТОГО)

Аннотация. *В статье раскрываются особенности видения обороны Севастополя глаза-*

который на своём веку пережил три войны. В дневнике Софьи Андреевны от 12 сентября 1877 года находим записанные ею слова мужа: «Пока война, ничего не могу писать, так же, как если пожар в городе, то нельзя ни за что взяться, и всё тянет туда» [2, с. 92]. И далее: «Как в детстве, всякий день становится он на молитву, ездит по праздникам к обедне, где мужики всякий раз обступают его, расспрашивая о войне» [2, с. 93].

В молодости добровольцем Толстой попал в Севастополь, где его потрясло многое. Давно известно, что война для мужчины подобна родам для женщины. Это рубеж, перелом, вход в иную жизнь. В конце марта 1855 года батарею Толстого отправили на легендарный четвёртый бастион, где он проявил стойкость и мужество, за что был награждён. В это же время им написан рассказ «Севастополь в декабре месяце». Он ведёт своего читателя по фронтовому городу, показывая сумятицу смутного времени. В том числе входит в госпиталь, предлагая и своему читателю не стыдиться смотреть на ампутационных и тяжело раненных страдальцев. В хаотичном пространстве военного города таится скрытый огонёк патриотического чувства, носителем которого являются простые люди: «...вы молча склоняетесь перед этим молчаливым, бессознательным величием и твёрдостью духа, этой стыдливостью перед собственным достоинством» [3, с. 44].

Он не только вглядывался в себя, стараясь фиксировать мельчайшие оттенки чувств, но и обращался к «панорамному» зрению. Детализация и генерализация органично сочетались. В общенародном порыве растворялось всё личное, субъективное. Опыт эпического состояния мира, при котором личность и мир – одно целое, Толстой привнесёт в «Войну и мир». В 1854 году он писал брату с опасного четвёртого бастиона: «Корнилов, объезжая войска, вместо «Здорово, ребята!» говорил: «Нужно умирать, ребята, умрёте?» – и войска кричали: «Умрём, ваше превосходительство. Ура!» [3, с. 53]. Этот эпизод вошёл в его «Севастопольские рассказы».

Екатерина Михайловна Бакунина была племянницей генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова. Она вступила в Крестовоздвиженскую общину для обучения милосердных сестёр и в 1853 году отправилась на войну в Крым. Позже ею были созданы «Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины», впервые напечатанные в журнале «Вестник Европы» в 1898 году.

Военные будни оказались суровыми. Перевязки, операции, уход были не так тяжелы, как необходимость в любую свободную минуту оказывать моральную поддержку раненым. Здесь сёстры милосердия были очень нужны. Екатерина Михайловна умела также ограничивать всякого рода поставщиков в их стремлении набить собственный карман путём экономии на самом необходимом для больных.

Будучи зрелой сорокалетней дамой, Елизавета Михайловна Бакунина уже не стремилась, подобно не достигшему ещё тридцатилетия Толстому, проникнуть в тайны собственного мира, экспериментировать, проверять собственную храбрость, впечатлительность и т. д. Она занималась нужной медицинской работой, о которой давно мечтала, тяготясь традиционным стилем жизни «кисейной барышни». Молодой Толстой тоже постепенно преодолевал в этот период «идеалы комильфо». Однако Бакуниной было в определённой степени сложнее не только потому, что она работала в «аду», но и потому, что вопли негодования светского общества сопровождали дерзкое нарушение ею дворянских стереотипов поведения женщины.

Екатерине Михайловне повезло работать на войне с удивительным человеком. Активным, творческим, трудолюбивым. Это известный хирург Николай Иванович Пирогов, говоривший с восхищением и уважением о бескорыстии, трудолюбии и мужестве Бакуниной, которая, по его словам, обнаруживала присутствие духа, едва совместимое с женской натурой. Сестра милосердия была достойна своего руководителя. Днём и ночью, в любую погоду они делали сотни операций. Но иногда после удачи следовало поражение, так как под градом пуль и снарядов не было условий для должной реабилитации прооперированных больных.

В военных действиях Бакунина не принимала участия, но находилась рядом и видела, как на опасный четвёртый бастион позади отправлявшихся туда солдат всегда несли носилки для будущих тяжелораненых, которые оказывались потом её пациентами. Ожидание было тягостно: «Если и приятно было видеть Александра Бакунина, то и тяжело было провожать его и следить глазами, как он идёт на четвёртый бастион, и видеть, как в этом направлении на чистом голубом небе появляются маленькие беленькие облачка, и знать, что это лопаются бомбы» [1, с. 26]. Детали, подробности, замеченные внимательным женским глазом, помогают воссоздать не только картину, но и настроение того времени. Екатерина Михайловна последовательно рассказывала то, что сохранила её память. Это своеобразный «поток сознания». О завершенности целого, композиции рассказа она не задумывалась, и этот эффект подлинности, живой жизни придаёт особую привлекательность её повествованию.

Екатерина Михайловна запомнила слова простых солдат, которые она воспроизводит в своих мемуарах. Легко раненного солдата с утомлённым лицом она стала уговаривать остаться отдохнуть в госпитале. «Нет, этого нельзя, – отвечал он мне, – уже нас, старых солдат, мало осталось, а молодые могут и оторопеть». И этот безвестный и скромный герой, твёрдо исполняя свой долг, сейчас же ушёл на бастион» [1, с. 44].

Воины не сливались в восприятии Бакуниной

в общую народную массу. Она особо выделяла флотских, которые терпеливее и твёрже других переносили раны и операции. На втором месте у неё были армейские. А вот ополченцы совсем падали духом: стоны и крики их были ужасны! По мнению Екатерины Михайловны, ампутация ног переносилась тяжелее, чем ампутация рук. Простые воины доверяли сёстрам и, получив деньги за ранения, тут же несли их на хранение женщинам, которые собирали крупные суммы, что заставляло их опасаться возможной кражи.

Не только доктор Пирогов, но и адмирал Нахимов высоко держал планку нравственности и человечности в той войне. Екатерина Михайловна вспоминала: «На другой день Нахимов был два раза у Творогова, – спрашивал, что он желает, что можно сделать для его семейства, так как в эту минуту не было ещё никакой надежды на его жизнь. Он также очень внимателен к матросам, присылает табак, варенье и пр., часто приходит навещать их. Как же морякам не любить такого начальника?» [1, с. 30].

В своих воспоминаниях Бакунина особо выделяла значимые мгновения, запечатлевшиеся на всю жизнь, как бы прорастающие в вечность. Это мог быть пуск по нескольку ракет с кораблей, похожий на фейерверк: «Я, сестра Куткина и Павловская, мы сели у открытого окошка смотреть на это грозное и красивое зрелище. Как сейчас вижу, – вдруг три ракеты блестят всё ярче и ярче и поднимаются всё выше и выше, точно прямо к нам» [1, с. 32]. Или запомнившиеся ей похороны бесстрашного Нахимова, не боявшегося под пулями носить эполеты: «Представь себе, что мы были на возвышенности, с которой виден весь Севастополь... Над морем мрачные, тяжёлые тучи: только кое-где вверху блистало светлое облачко. Заунывная музыка, перезвон колоколов, печально-торжественное пение; очень много священников, генералов, офицеров, на всех лицах грустное выражение... Так хоронили моряки своего синопского героя, так хоронил Севастополь своего неустрашимого защитника» [1, с. 41].

Французы были особенно активны в Крымской войне. Поколение, выросшее после разгрома Наполеона, жаждало реванша. Опасались шпионов именно от них. Говорили про одну сестру, что она во время купания говорила, что уплывёт к французам. От французов поступали пленные, с которыми удавалось беседовать сёстрам. Противоположный лагерь обрисован лёгкими штрихами, но он всё-таки присутствует в рассказе Бакуниной, склонной к изображению реалий внешнего мира.

Взгляд Льва Толстого на события тех лет в «Севастопольских рассказах» более сконцентрирован, узок. Автор обращён к исследованию внутреннего мира русских воинов. «Стыдливое чувство патриотизма» постоянно вспыхивает, заявляя о себе, и разгорается ярким пламенем в минуты опасности. Но, вместе с тем, «поток сознания»

Праскухина в момент смерти подчёркнуто прозаичен, заземлён и незамысловат. Сознательные и бессознательные моменты с одинаковым вниманием фиксировались Толстым.

Рядом с трагическим на войне случались и комические ситуации. В «Севастопольских рассказах» Толстого их описанию почти не нашлось места. В мемуарах же Бакуниной, не сдерживающей себя строгими сюжетно-композиционными рамками, присутствует и комическое начало, которое не снижает изображаемое, а ещё больше его конкретизирует, приближает к читателю: «Помню также, как раз мы шли от купания, и вдруг раздался громкий гул от пролетевшего ядра. Одна сестра села наземь и открыла для защиты над собой зонтик, так что мы все расхохотались» [1, с. 27]. Трагикомедия жизни, происходящего будет активно осваиваться различными авторами уже в XX веке.

Екатерина Михайловна Бакунина и Лев Николаевич Толстой утвердились в понимании бесчеловечности войны, стали убеждёнными пацифистами. Но если Толстой ненадолго заглядывал в госпиталь, чтобы показать ужас происходящего, то Бакунина проводила в «аду» долгие месяцы. Если Толстой продолжал традиции Стендаля, показывая мужчину на войне, то Бакунина ломала стереотипы поведения женщины, чуть ли не впервые разрабатывая новую тематику, связанную с восприятием войны женскими глазами. Толстой предстал наблюдателем, созерцателем происходящего, спешащим провести читателя по закоулкам Севастополя. Бакунина же – действенная помощница, активная участница жизни, месяцами живущая в одном ритме с защитниками города. Её замечания и наблюдения лишены морализаторства, философствования и психологизма, это летопись событий, фиксация наиболее ярких, запомнившихся впечатлений. В центре внимания Толстого – народные персонажи и диалектика души, а Бакунина, концентрируясь на изображении жизни и быта госпиталя, особо выделяет значимые для того времени фигуры Нахимова и Пирогова, которые, подобно легендарным праведникам, высоко держали планку нравственности. Рассказы Толстого и Бакуниной о Севастополе в разное время появились в печати, но в нашем сознании они дополняют друг друга и создают целостную и объёмную картину событий тех трагических лет.

Список литературы

1 *Записки очевидца. Воспоминания, дневники.* – Москва, 1991.

2 *Толстая С. А. Дневники.* – Москва, 1978.

3 *Толстой Л. Н. Повести и рассказы.* – Москва, 1978.

References

1 *Zapiski ochevidca. Vospominaniya, dnevnik.* – M., 1991.

2 *Tolstaya S. A. Dnevnik.* – M., 1978.

3 *Tolstoj L. N. Povesti i rasskazy.* – M., 1978.